

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ББК Ю51 + ЮЗ(0)321

СОКРАТ О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ БЕССМЕРТИИ

Вишев Игорь Владимирович

*доктор филос. наук, профессор, снс кафедры философии,
Южно-Уральский Государственный Университет(НИУ)
г. Челябинск*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможные варианты символического обозначения объективно-идеалистического направления в философии наряду с традиционным «линия Платона», его основной принцип тождество бытия и мышления. Особое внимание обращено на диалог Сократа и Кебета по поводу обоснования трансцендентного бессмертия, связанных с ним этических аспектов и специфике философского подхода к решению данной проблемы.

Ключевые слова: объективный идеализм, принцип тождества бытия и мышления, трансцендентное бессмертие, переселение душ, различные нравственные последствия прижизненной деятельности.

Христианская теология не могла возникнуть на «пустом» месте, стать элементарно «придуманной», как это иногда представляется. Она возникла главным образом из учений таких представителей античной философии, как Сократ (470–399 до н. э.), Платон (427–347 до н. э.), Аристотель (384–322 до н. э.) и других мыслителей той исторической эпохи в их соответствующей интерпретации. Естественно, они были, прежде всего, представителями взглядов, целиком или частично объективно-идеалистического направления философии. Это происходило в период так называемой патристики, когда первые «святые отцы» давали своё толкование учениям античных философов объективно-идеалистической направленности. Так, Аврелий Августин Блаженный (354–430) истолковывал учение Платона о мире идей в смысле идей бога перед сотворением мира. Одним из таких идейных источников христианской теологии стало и учение Сократа о трансцендентном бессмертии.

Идеалистическая система доказательств посмертного существования личности, которую принято называть «линией Платона», представляет собой особую тему исследования. Она, несомненно, заслуживает внимания, поскольку с ней связано рассмотрение целого ряда отнюдь не простых вопросов. Скажем, идеалистическое направление в философии, как представляется, можно было бы с достаточным основанием назвать и «линией Сократа», поскольку он был учителем Платона. Ученик, как правило, излагал взгляды учителя в своих знаменитых «Диалогах», и потому их воззрения очень часто отождествлялись.

Но не с меньшим основанием, если даже не с большим объективно-идеалистическое направление в философии можно было бы назвать «линией Парменида» (540–470 до н. э.). Он был основателем и главой древнегреческой школы элеатов. Их главной заслугой в истории философской мысли была разработка категории

«бытия». Основополагающий тезис гласил: «Бытие есть, небытия нет». При этом они различали данное бытие как кажущееся, мнимое, и истинное бытие — умопостигаемое, в конечном счёте, божественное. Именно он сформулировал главный принцип этого направления — тождество бытия и мышления. Парменид утверждал: «То же самое — мысль и то, о чем мысль возникает, ибо без бытия, о котором ее изрекают, мысли тебе не найти» [1].

В отличие от мифологии и религии, объективный идеализм как направление философии пытается апеллировать к мощи интеллекта и, по возможности, рациональными доводами обосновать реальность личного бессмертия.

Надо особо отметить, что учение Сократа знаменует поворот в философии — от рассмотрения природы и мира, характерного для материализма, к рассмотрению человека и собственно философской теории, оторванным от реального бытия и противопоставленным ему. Его деятельность открыла новое русло в развитии античной философии. Своим методом анализа понятий и отождествлением положительных качеств человека с его знаниями он направил внимание философов не только на важное значение человеческой личности, но и на освоение теоретического знания как ведущей формы самостоятельного мышления. Сократа называют первым философом в собственном смысле этого слова. В его лице философствующее мышление впервые обращается к себе самому, исследуя собственные принципы и приёмы, но именно в их объективно-идеалистической односторонности.

Ключевым для учения христианской теологии о посмертном существовании и учения Сократа о трансцендентном бессмертии является понятие «души». Естественно, теология основывается на библейском тексте: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Следовательно, душа как разумное начало в человеке представляет собой, согласно

Библии, «искру Божию», из чего и заключается о её бессмертии. Что касается сократовского понимания души, то она как бы осуществляет связь между миром идей и миром вещей, причём по своей природе находится ближе к первому.

Наиболее концентрированно представление Сократа о трансцендентном бессмертии выражено в диалоге Платона «Федон», приписываемое, как обычно в подобных случаях, именно Сократу. Его оппонентом в этом диалоге был Кебет.

Сократ определил феномен смерти как «освобождение и отделение души от тела» [2, с. 340], которые после этого существуют отдельно друг от друга. Он полагал, что у нас есть неоспоримые доказательства, будто достигнуть ясного знания о чем бы то ни было мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой.

Однако Кебет не принял это утверждение безоговорочно, высказавшись в духе довольно широко распространённого в те времена скептического отношения к такого рода утверждениям. Он возразил Сократу: «то, что ты говорил о душе, вызывает у людей большие сомнения. Они опасаются, что, расставшись с телом, душа уже нигде больше не существует, но гибнет и уничтожается в тот же самый день, как человек умирает. Едва расставшись с телом, выйдя из него, она рассеивается, словно дыхание или дым, разлетается и уже нигде не существует больше» [2, с. 343].

А далее Кебет иллюстрирует как раз специфику именно философского подхода к рассмотрению данной проблемы. «Но что душа умершего продолжает жить и обладает известной силой и способностью мыслить, — считал он, — это, на мой взгляд, требует веских доказательств и обстоятельных разъяснений» [2, с. 344]. Действительно, если религия принципиально не требует никаких доказательств, а лишь веры в те или иные догматы, то идеалистическая философия, исходя из приоритета разума, его первичности, настаивает на рациональном обосновании своих утверждений.

В такого рода высказанных Кебетом сомнениях нашло проявление своеобразное вольнодумство и по отношению к религиозным верованиям, и к родственным им объективно-идеалистическим воззрениям. И Кебет продолжал, демонстрируя внутреннее желание утешения: «Разумеется, если бы душа действительно могла где-то собраться сама по себе и вдобавок избавленная от всех зол... это было бы, Сократ, источником великой и прекрасной надежды, что слова твои — истина» [2, с. 343–344].

И Сократ берется предоставить соответствующие доказательства и разъяснения, делая это сугубо умозрительно. Для этого предварительно он добивается от Кебета признания того положения, что там, где существуют две противоположности, одна возникает из другой. В качестве иллюстрации Сократ берёт такие противоположности, как прекрасное и безобразное,

справедливое и несправедливое, указывая, например, на то, что большее возникает из меньшего и наоборот. Далее утверждается, что между двумя противоположностями существует и два противоположных перехода, например, от большего к меньшему — убывание, от меньшего к большему — рост.

Сократ затем подводит своего оппонента к выводу о том, что подобно тому, как сон противоположен бодрствованию и переходами между ними являются пробуждение и засыпание, противоположностью жизни является смерть, а переходом между ними умирание и оживание, поскольку умирание — это очевидный факт, природа же в данном случае не должна хромать на одну ногу, следовательно, умирание надо дополнить оживанием. И Сократ делает решающий вывод: «Поистине существуют и оживание, и возникновение живых из мёртвых».

А далее звучат поучения сугубо этического характера. «Существуют и души умерших, — утверждает он, — и добрые между ними испытывают лучшую долю, а дурные — худшую» [2, с. 348]. И в этом контексте нравственные акценты явно усиливаются. «Ну, вот, например, — говорит Сократ, — кто предавался чревоугодию, беспутству и пьянству, вместо того чтобы всячески их остерегаться, войдут, вероятно, в породу ослов или иных подобных животных, а те, кто отдавал предпочтение несправедливости, властолюбию и хищничеству, присоединятся к волкам, ястребам или коршунам» [2, с. 363]. Следовательно, Сократ, что вполне очевидно, разделяет учение о переселении душ, в чём, несомненно, проявилось влияние восточной философии. Впоследствии подобного рода представления не были восприняты христианской теологией, оказались ей чуждыми.

Особое внимание Сократ уделяет посмертной участи философов. Они, как он специально подчёркивает, ещё при своей жизни будто бы стремятся к освобождению души от бремени тела. «Но в род богов, — утверждает Сократ, — не позволено войти никому, кто не был философом и не очистился до конца, никому, кто не стремился к познанию» [2, с. 364]. Именно эти убеждения, якобы и помогли ему спокойно выпить чашу цикуты по приговору тогдашнего демократического суда.

Так, применяя чисто формально-логические приёмы, внешнюю аналогию к анализу действительно диалектических противоположностей, игнорируя природную специфику анализируемых явлений, Сократу будто бы удастся успешно доказать истинность исходного утверждения. В действительности, реальному миру свойственна диалектика симметрии и асимметрии, иначе он представлял бы собою нечто застывшее и неизменное. Этого Сократ не понял, а значит, не принял, и потому не смог конструктивно использовать в своих объективно-идеалистических построениях.

Список литературы:

1. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. — М.: Наука, 1989. — С. 286-298.
2. Платон. Избранные диалоги. — М.: Изд-во художественной литературы, 1965. — 443 с.
3. Вишев И. В. Проблема бессмертия. https://www.ordodeus.ru/Ordo_Deus13_Problemma_bessmertiya.html

ОБОСНОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ**Крюков Виктор Васильевич**

профессор, доктор философских наук,
профессор Сибирского государственного университета
геосистем и технологий, Новосибирск

JUSTIFICATION OF PROPERTY**Kryukov Victor Vasil'evich**

Professor, doctor of philosophical Sciences,
Professor of the Siberian state University
of geosystems and technologies, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается проблема собственности как социального отношения. В качестве фундаментальной принята идея Адама Смита в классической теории трудовой стоимости, но со значительным обобщением этой идеи из экономического контекста как особого случая на общий теоретический уровень социальной философии, на котором ценности понимаются как продукты и практической, и духовной активности. В этом контексте собственность трактуется не как отношение человека к вещам, а как отношение людей друг к другу по поводу вещей. Формы собственности рассматриваются не исторически, как у Маркса, а функционально, как их усматривает автор. В такой версии капитализм и коммунизм оказываются экономическими мифами, а формы собственности определяются способами индивидуализации сообща произведенного продукта.

ABSTRACT

The article discusses the problem of property as a social relationship. The idea of Adam Smith in the classical theory of labor value is accepted as fundamental, but with a significant generalization of this idea from the economic context as a special case to the general theoretical level of social philosophy, at which values are understood as products of both practical and spiritual activity. In this context, property is interpreted not as a person's relationship to things, but as the relationship of people to each other about things. Forms of property are not considered historically, as in Marx, but functionally – as the author sees it. In this version, capitalism and communism turn out to be economic myths, and forms of ownership are determined by the means of individualization of the jointly produced product.

Ключевые слова: стоимость, продукт труда, собственность, формы индивидуализации, закон присвоения.

Key words: value, product of labor, property, forms of individualization, the rule of appropriation.

Prolegomena

Social philosophy focuses on the basic categories of economic theory – value and property. Here we turn to the problem of property relations between people in various forms of appropriation of things. The author has addressed this issue and is ready to offer his own version of property relations.

One of the founder of the United States, Benjamin Franklin, began the text of the American Constitution with the famous words: all people are born equal, and from birth they are endowed by God with the inalienable rights to life, liberty, property and the pursuit of happiness. The rights of a citizen in society are ensured by the principle of inviolability of private property.

Jean-Jacques Rousseau about property

Theoretic idol of Franklin, Jean-Jacques Rousseau, became famous for his shocking criticism of “civilized” society. Already in his first, sensational treatise on modern morals (*Discours sur les*

Sciences et les Arts, 1750), he stated that “... virtue disappeared as their (sciences and arts) shine rose higher and higher above our horizon, and the same phenomenon was observed everywhere.” [1, p.14]

All the more shocking was his point of view on the “sacred cow” of bourgeois society – private property. In his treatise “The reasoning about the origin and basics of inequality between people” (*Discourse sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les homes, 1755*), he wrote that the emergence of property was originally associated with deception. “The first one who fenced off a piece of land came up with the idea of saying “This is mine!” and found people simple-minded enough to believe him, he was the true founder of civil society.” [1, p. 72] True, Rousseau understood perfectly well that it was impossible to return to the natural simplicity of morals, and property was a necessary attribute of civilization. In an article for the Encyclopedia “*On Political Economy*” (1755), he argued that “the right to property is the most sacred of